

А.С. Норов — оппонент Л.Н. Толстого

Имя участника Отечественной войны 1812 года Авраама Сергеевича Норова (1795-1869) упоминается исследователями творчества Толстого только в связи с тем, что Норов одним из первых выступил с критическим разбором романа «Война и мир» с исторической точки зрения. В мартовском номере «Русского архива» за 1911г. публикацию «Заметок ветерана 1812 года» (П. С. Деменкова) предваряет вступление за подписью «П.Б.» (П. И. Бартенев): «В одно из своих пребываний в Москве Александр Николаевич изволил остановиться в Нескучном дворце. Однажды, едуци оттуда в Кремль и проезжая мимо Городской больницы, он сказал сидевшему с ним рядом в коляске дежурному флигель-адъютанту своему Григорию Александровичу Милорадовичу: "Вот сюда привезли нашего Абрама Сергеевича после Бородинской битвы с оторванной ногою. А ведь Толстой много напутал о двенадцатом годе". Это передал мне Г. А. Милорадович, в тот же день навестивший меня. А. С. Норов, может быть по указанию Государя, написал опровержение свое «Войны и мира» <...>».

Исследователи романа «Война и мир», по сути дела, разделяют те критические позиции относительно статьи Норова, которые первые биографы Толстого заняли еще в конце 20-х годов. Что касается современных изданий, то достаточно подробный анализ статьи Норова (сделан Н. Н. Гусевым) опубликован во втором томе «Материалов к биографии Л. Н. Толстого» (М., 1957); кроме того можно отметить работу К. Н. Ломунова «1812 год в "Войне и мире" Л. Н. Толстого» (сборник РАН ИМЛИ «Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века». М., 1998).

Норов, не принимая «непатриотичную» историческую концепцию автора «Войны и мира», его философию, в то же время отдавал должное художественному мастерству и таланту Толстого.

Первым критически отозвался о работе Норова близкий к нему человек, писатель Г. П. Данилевский в своих воспоминаниях, названных «Поездка в Ясную Поляну» (14-й том его «Сочинений», издание 1901 г.). Экземпляр этого издания, сохранившийся в Ясной Поляне, очевидно, был прочитан Толстым. Биографы Толстого обычно приводят рассказ Данилевского по поводу того места в романе, на которое Норов нападает больше всего. «Граф Толстой, — говорил он мне, — рассказывает, как князь Кутузов, принимая в Цареве-Займище армию, был более занят чтением романа Жанлис "Les chevalier du Cygne", чем докладом дежурного генерала». На возражения Данилевского о возможности такого развлечения хотя бы для виду Норов между прочим отвечал: «До Бородина, под Бородином и после него, мы все, от Кутузова до последнего подпоручика артиллерии, каким был я, горели одним высоким и священным огнем любви к Отечеству <...> И я не знаю, как посмотрели бы товарищи на того из нас, кто бы в числе своих вещей дерзнул тогда иметь книгу для легкого чтения, да еще французскую, вроде романов Жанлис. Через два месяца после напечатания статьи Норов скончался. Данилевский пишет: «Каково же было мое удивление, когда собирая источники для некролога, я, в семействе В. П. Поливанова, родного племянника покойного, случайно увидел крошечную французскую книжку из библиотеки Норова "Похождения Родерика Рандома", и на ее внутренней обертке прочел следующую собственноручную надпись А. С. Норова на французском языке: "Читал в Москве раненый и взятый в плен французами в сентябре 1812 года". То, что было с поручиком артиллерии в сентябре 1812 года забылось через пятьдесят лет престарелым сановником в сентябре 1868 года, так как не подходило под понятие, составленное им в течение времени о временах двенадцатого года».

Можно привести некоторые свидетельства современников по поводу того, как возмущался Норов изображением у Толстого дворянства и купечества в дни войны в виде «Панургова стада», где «плешивые вельможи, старики и беззубые сенаторы <...> поддакивали и подписывали, все, что им укажут»¹. В «Записках» Д. Н. Свербеева о 1812 г. читаем об ура-патриотических крикунах из московского дворянства, которые настаивали отдать в ратники ополчения каждого «десятого», сами не имея ни одной души (там же отмечено, что в ратники отдавались отнюдь не лучшие люди). В «Записках современника» С. П. Жихарева перед читателем предстают петербургские «политиканы», среди них сановники с их толками и неистовыми возгласами: «Охота же так горячиться из ничего! И разве нельзя сочувствовать общему делу <...>, не выходя из себя и не выставляя напоказ вздорных своих мнений? Я уверен, что эти господа так гомозятся оттого, что их не спрашивают; а попробуй спросить их

— станут в тупик»ⁱⁱ.

О толках «из пустого в порожнее» говорит автор «Записок», касаясь обеда в Английском клубе, где «многие нечувствительно понаклокались». «Не только дворянство Московской губернии, но и все прочие сословия Москвы находятся в каком-то чаду, и вот уже третий месяц как они не слышат земли под собою и так беззаботно живут, как будто бы завтра ожидало их представление света», — читаем там же.

Норов сетует на то, что Толстой недооценивает подвиги наших генералов, даже в случае неудачного исхода сражения. Описание Толстым сцены бунта в Богучарове Норов посчитал если не вымыслом, то «случаем единственным». В доказательство подлинности этого события достаточно сослаться на воспоминания двоюродного брата матери Толстого — Д. М. Волконского, который рассказывает в дневнике о своей поездке в 1812 г. к дяде — в Ясную Поляну. «Заехал на дороге в кабак узнать, тут ли дядя, нашёл пьяного унтер-офицера, который доказал мне грубостию сколь народ готов уже к волнению, полагая, что все уходят от неприятеля. Приехав в деревню, узнал я, что дядя с дочерью поехали тому два дни в Тамбовскую деревню княгини Голицыной, начавшиеся беспорядки и волнение в народе его понудили»ⁱⁱⁱ. В «Записках» Д. Н. Свербеева упоминается о собраниях крестьян в Тульской губернии, имевших целью «соблазнение к бунту», упомянуто и о попытке разобрать помещичий дом Свербеевых в их подмосковной^{iv}.

Считая, что в романе «отличный талант автора принял ложное направление», Норов тем не менее признал, что Толстой «прекрасно и верно изобразил общие фазисы Бородинской битвы».

Бесспорной ценностью работы Норова остается воссозданная им в деталях (настолько, что предполагаешь существование дневниковых записей, о чем, однако, сведений нет) картина Бородинского сражения, представленная участником события, сражавшимся не «на краю» поля битвы, а в его центре, на батарее Раевского. Непосредственным начальником Норова в Бородинском бою был штабс-капитан Афанасий Алексеевич Столыпин, брат бабушки Лермонтова, особенно любимый поэтом.

Читая работу Норова еще в рукописи (октябрь 1868 г.), писатель А. В. Никитенко отметил в ней, как наиболее любопытное, «подробности Бородинского боя» (и, вероятно, сообщил о том автору). В 1912 г. составитель юбилейного сборника «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников» В. В. Каллаш, назвав в целом воспоминания Норова «очень субъективными, проникнутыми полемическим задором», взял в свой сборник описание Норовым Москвы после оставления ее французами.

Следует отметить, что в книге Б. Эйхенбаума «Лев Толстой. 60-е годы» (М., 1931) фраза о Толстом — «Напечатан в 1868 году после выхода IV тома свою ответную статью, он больше уже не выступал с опровержениями и с самозащитой», — нуждается в уточнении. Статья Толстого, о которой идет речь, «Несколько слов по поводу книги "Война и мир"» не могла быть ответной на работы Норова и Витмера, так как по замыслу она предваряла критику, объясняя позицию автора романа, и была напечатана уже в марте. Норов же подписал в конце своей книги дату ее окончания — 8 сентября того же года. Сведений о том, что Толстой читал именно работу Норова, нет. Но нельзя не отметить следующий факт: степень сохранности книжки Норова, имевшейся в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне в отдельном издании (возможно, присланной автором), свидетельствует, что она побывала в руках читателя не один раз.

Исходя из факта личного знакомства Толстого и Норова, представляется возможным сопоставить их имена в несколько ином аспекте. Надо отметить, что до сих пор факт их знакомства не привлекал внимания биографов Толстого.

Один из родоначальников древней дворянской семьи Норовых, происходивший из новгородских бояр, Родион Васильевич царем Иваном III был переведен на поместье в Коломну и на Рязанские земли. Как отмечает Норов в своих воспоминаниях, лежа в госпитале в Москве осенью 1812 г., он «был неожиданно удивлен появлением в один день перед собою крестьянина Дмитрия Семенова, поместья моих родителей Рязанской губернии села Екимца, который вызвался проникнуть в Москву и доставить им известие обо мне»^v. (Позднее именем Якимец с 800 дес. земли владел уже сам Норов, не раз навещавший эти места.) Между прочим, в записях А.С.Пушкина к «Истории Петра» о 1706 г. (Т.Х. С. 85) отмечено, что Петр «<...> сам, дождавшись 6000 старого и новобранного войска, отправился в Минск же, пробыл неделю в Орше, здесь оставил гв<ардии> поручика Норова для заготовления магазинов» (в указателе отмечено, что это — Гавриил Норов).

Отец Норова Сергей Александрович (1762-1849) — отставной майор, предводитель

дворянства Саратовской губернии, владелец имения Ключи в Балашовском уезде. Мать Татьяна Михайловна происходила из известной московской семьи Кошелевых. Некоторые сведения о Татьяне Михайловне Норовой мы находим в изданных недавно совместно с «Записками» Е. Р. Дашковой письмах и дневниковых записях англичанок сестер Марты и Кэтрин Вильмот, соединенных с Дашковой взаимной привязанностью, гостивших подолгу в России. Так, вторая из сестер в письме (от 15 мая 1807 г.) сообщает о примирении Дашковой с овдовевшей невесткой, к которой она «отправила письмо с госпожой Норовой и графиней Воронцовой». В примечаниях к тексту отмечено: «Татьяна Михайловна Норова (1766-1838) — племянница Дашковой». В записи Марты Вильмот (от 2 июля 1808 г.) пространно рассказано о том, как по случаю свадьбы и бала у молодого князя Ухтомского его «тетушке, госпоже Норовой помогала одеваться княгиня Голицына и сделала это на славу». Норова оказалась украшенной без всякой меры: «Словом, это была настоящая ювелирная лавка <...> При этом на лице носительницы всех этих сокровищ детская простодушная радость от сознания своего великолепия смешивалась с неприкрытым страхом перед княгиней» (имеется в виду то, что Дашковой была «незнакома любовь к нарядам»). «...Осыпанные орденами персоны стали целовать руку ей самой. По всей вероятности, им внушил такое благоговение блеск бриллиантов, хотя они не могли не сознавать, что она не более, чем ворона в павлиньих перьях. Госпожа Норова говорила мне потом, что никто никогда не приветствовал ее так почтительно, как господин М., богатый родственник, всегда раньше смотревший на нее как на пустое место. <...> Эта женщина, никогда не имевшая собственных драгоценностей, всегда просто одетая, сверкала теперь над изумленной толпой, как новое солнце <...> Каждому, кто к нам подходил, украшения демонстрировались с тою же непосредственностью <...> В конце концов она созналась, что никогда в жизни не испытывала таких мучений, как с того рокового мгновения, когда согласилась надеть на себя эти чужие украшения». Далее автор дневника отмечает «приятное общество госпожи Норовой, доставляемое <...> ею развлечение и ее исключительную naïvete [наивность], которая так украшает общение с нею <...>»^{vi}.

Из сыновей Норовых двое — Василий и Авраам — в 19 и 17 лет пролили кровь за Россию в войне 1812 года, заслужив награды и уважение товарищей. Кстати, характером декабриста Василия Норова интересовался Толстой. Против его фамилии в списке декабристов, переписанном для Толстого в пору его изучения декабристского движения, писателем помечено «служака», очевидно, со слов знавших В. С. Норова^{vii}.

А. С. Норов учился в Московском Университетском Благородном Пансионе. (Когда в 1897 г. на страницах «Русского архива» были опубликованы списки «известнейших благородных воспитанников» пансиона, его имя оказалось в разделе: «Известнейшие писатели», где названы среди прочих Жуковский, Грибоедов, Лермонтов, Вердеревский, Майков.) Не окончив курса, Норов в 1810 г. поступил юнкером в гвардейскую артиллерию, а в 1811 г. стал прапорщиком. В 1812 г. он принял участие в действиях 1-й Западной армии под Смоленском и при Бородине. Здесь он командовал двумя орудиями, защищая Семеновские (Багратионовы) флеши. Об этом моменте он вспоминал много лет спустя: «<...> Неприятель, вероятно, заметил подошедшую нашу свежую батарею и принялся нас угощать, но зато и мы его не щадили, <...> я успел еще послать картечь из моего флангового орудия. Это был мой последний салют неприятелю»^{viii}. Норову оторвало ступню ноги, он был оперирован полевым хирургом и отправлен в госпиталь в Москву. Впоследствии, оказавшись с группой раненых в Голицынской больнице во время оккупации Москвы, он был вторично оперирован из-за начавшейся гангрены лейб-медиком Наполеона. Долечивался он у своего товарища по госпиталю батальонного адъютанта Преображенского полка М. М. Обольянинова в имении его дяди Никольское-Обольяново (в 50 верстах от Москвы), затем в подмосковной усадьбе Норовых — Надеждине (за г. Дмитровой), купленной Норовым -отцом в 1803 г., и в Ключах, позднее принадлежавших его брату Александру. Деревня Ключи как родина Норова отмечена в разделе «По памятным местам» в альманахе «Памятники Отечества» (вып. 39, 1998).

Об укладе и уровне жизни семьи Норовых в годину войны красноречиво говорят «оригинальные», как они названы в публикации Ф. А. Петрова в «Русском архиве», письма из армии братьев Норовых и близких им лиц за период с июля 1812 г. по сентябрь 1813 г. В письме из Смоленска Авраам благодарит родителей за присланные ему деньги, обещая «умереннее употреблять оные»^{ix}. В письме Василия Норова из лагеря под Бауценом (от 5 мая 1813 г.) читаем: «О нуждах своих не нахожу надобности писать к вам, будучи совершенно уверен, что ничего получить не могу. Но более всего меня беспокоит, что от вас не имею никакого известия». Спустя две недели он пишет: «Я не имею теперь ни гроша денег, но откуда

мне получить, а занимать <...> мне не хочется, жалования же нам еще не выдавали <...> В адъютанты еще не хочу. Сию кампанию отслужу — и во фронт...»^x

В письме к отцу, писанном «на поле при реке Наре» (10 октября 1812 г.), Василий Сергеевич, сообщая родителям о ранении брата, пишет: «<...> К утешению нашему, я извещу вас, что братец действовал столь отлично во время сражения, что обратил на себя внимание начальников и награжден орденом Святого Владимира с бантом и чином подпоручика. Мне весьма приятно было слышать от товарищей его, как все братца хвалят и сколько он имел духу <...> братец подал самому мне собою пример, и я сколько его сожалею, столько и радуюсь, что он храбрый офицер...»^{xi}

В письме из Вильны в Петербург он поздравляет родителей «с радостью: братец оставлен в Москве, вылечен от раны и хотел скоро отправиться к вам. Сию приятную весть привез мне Парфен, с которым получил я ваши письма и посылки. Он повстречался на дороге с посланным от вас в Москву мужиком Григорием Семеновым, который там видел братца и сказал Парфену, что уже и подводы за ним отправлены в Москву». Однако, через полгода он отвечает брату Аврааму в Никольское-Обольяново: «<...> Ты пишешь, что здоров, но я сему не верю <...>, и ты сам пишешь, что во многих местах рана твоя опять открылась <...> Вашу гвардейскую артиллерию я всю видел в деле и славно действовала <...> Все тебе кланяются». В следующем письме, уже в Надеждино (26 июня 1813 г.), он пишет: «Жаль только, что братец был так несчастлив, что при первом сражении так жестоко ранен и что не можем вместе с ним служить <...>»^{xii}

Некоторые письма переправлялись из армии в родительский дом при содействии жившего в Петербурге действительного камергера Ф. С. Голицына. Служба братьев Норовых в армии не была обойдена вниманием его брата, «любезного Сергея Сергеевича», служившего в 1812 г. при Л. Л. Беннигсене. За отличия в боях он получил награды и 15 сентября 1813 г. был произведен в генерал-майоры. Нельзя не привести его письма к отцу братьев Норовых из гвардейских квартир в Теплице (от 20 сентября 1813 г.): «Милостивый государь мой, Сергей Александрович! Не хотел прежде известить о полученной ране вашим сыном Василием Сергеевичем, прежде, как он сам мог о том вас известить. Вы были бы слишком обеспокоены на его счет, и Татьяна Михайловна на сей счет безутешна <...> я имел в виду сохранение здоровья Татьяны Михайловны, зная ее нежность к детям ее, и, если позволите, трусость ее. Прошу сказать ей мое искреннее почтение и уведомить меня, как только приедет к вам Василий Сергеевич, о здоровье его. (Любезного, весьма милого Абрашу душевно люблю и уважаю).

Зная участие, которое вы берете во всем, до меня касающемся, скажу, что я пожалован за отличие в нынешнюю кампанию генералом. Прошу мне и в этом чине продолжать вашу дружбу, кою ценить умею»^{xiii}.

Из переписки Норовых видно, что через Василия Сергеевича домашние не раз посылали письма Сергею Сергеевичу Голицыну, генералу, бывшему всего на 10—12 лет старше их сыновей. В одном из писем весной 1813 г. Василий Норов спрашивает, куда адресовать письма: «В подмосковную ли или в Зубриловку» (это название встречается в письмах не единожды). Зубриловка — саратовское (или тамбовское) имение овдовевшей в 1810 г. княгини В. В. Голицыной, матери Федора и Сергея Сергеевичей. В том же Балашовском уезде, очевидно, поблизости от Зубриловки находилась деревня Норовых — Ключи. Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель, описывая достопримечательности имения Голицыных, упоминает горы, покрытые густым лесом: «Горы сии наполнены родниками, которые с боков их вырываются сильно бьющими ключами»^{xiv} (они, должно быть, и дали название деревне Норовых). Соседство, видимо, способствовало семейной дружбе Голицыных и Норовых. В воспоминаниях А. С. Норова есть небезразличный в этом смысле отрывок: «С юношеских лет моих, со вступления юнкером в гвардейскую артиллерию, до производства моего в офицеры в 1811 году и до выступления в поход в марте 1812 года, я жил у княгини В. В. Голицыной, супруги генерала от инфантерии князя Сергея Федоровича Голицына, командовавшего тогда нашею обсервационною армиею в Галиции, с которыми родители мои были в близких отношениях. С нею же вместе жил сын ее князь Федор Сергеевич, недавно женившийся на дочери фельдмаршала князя Прозоровского. Этот дом был в постоянном общении со всею столичною аристократиею»^{xv}.

Лето Голицыны проводили в Зубриловке. Именно туда осенью 1812 г. едет к Голицыной давний друг их семьи князь Николай Сергеевич Волконский со своей дочерью. Н. С.

Волконский — это дед Л. Н. Толстого по линии матери; дочь же его Мария — будущая мать писателя. Летом 1810г. князь Волконский с дочерью гостили у Голицыных на даче под Петербургом (на Каменном острове), княжна Волконская тогда особенно подружилась со старшей невесткой Голицыных, урожденной Е. И. Соллогуб. Из текста дневника М. Н. Волконской следует, что княгиня Голицына, возможно, имела на нее виды как на будущую свою невестку (ее сыновья Сергей и Александр были тогда в возрасте женихов). Л. Н. Толстой знал об этих моментах своей семейной истории из сохранившихся дневниковых записей рано умершей матери и из рассказов домашних. В Яснополянском доме Толстых и теперь висят копии фамильных портретов, которыми Голицыны, очевидно, обменялись с Волконскими. Среди них — портрет Федора Сергеевича и его жены А. А. Голицыной-Прозоровской (имя ее отца упоминается в романе «Война и мир»). Когда писатель в 70-е годы собирал материалы для романа из эпохи Петра I, он интересовался сведениями о Прозоровских, равно как и Апраксиными, из рода которых происходила жена Сергея Сергеевича — Наталья Степановна, дочь знатного московского вельможи. Имение Апраксиных (Ольгово) находилось рядом с имением Никольское-Обольяново, где некогда жил у друга А. С. Норов, а в 70—80-е годы не раз гостил Л. Н. Толстой в семье своих друзей Олсуфьевых. Писатель побывал и в Ольгово, где беседовал с племянником Натальи Степановны.

В 1823г. А. С. Норов оставляет военную службу в чине полковника, получает чин статского советника и с середины 20-х годов живет преимущественно в Петербурге. Его основными занятиями становятся литература, история, изучение иностранных языков. Он занимается переводами, пишет стихи и поэмы, с 1816г. печатается в журналах и альманахах. С 1818 г. Норов — действительный член Вольного общества любителей Словесности, Наук и Художеств. В 1821 г. он был принят в Общество любителей российской словесности.

Самая существенная часть литературного наследия Норова — описания ряда предпринятых им путешествий. В одном из писем писателя А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву отмечено, что в лавку известного книгопродавца и издателя И. В. Сленина 31 октября 1824 г. «пришел Норов, хочет печатать путешествие свое по Сицилии»^{xvi}. В числе близких знакомых А. С. Норова — Булгаковы, Свербеевы, Салтыковы, Вяземские, А. И. Тургенев, А. О. Смирнова - Россет. Вот несколько строк из переписки братьев Булгаковых. А. Я. Булгаков (7 апреля 1826 г.) из Москвы писал брату К. Я. Булгакову: «Вчера обедал я у Вяземского. Тут были Ив. Ив. Дмитриев, Вас. Львович, Сонцов, безногой Норов, с коим я все болтал об Италии и Сицилии особенно, Денис Давыдов. За обедом пили счастливое путешествие Карамзина, и все от искренней души пожелали ему добрый путь»^{xvii}. В одном из писем К. Я. Булгакова к брату (от 6 июня 1827 г.) о Норове сказано: «<...> Дай Бог ему все доброе: он заслуживает»^{xviii}. Из письма А. Я. Булгакова к брату (от 12 декабря 1830 г.): «Как я рад, что Норов прибыл к вам. Обними его дружески за нас всех <...> Он малый прекрасный, ветреный, по-видимому, но солидный в правилах своих и дружбе»^{xix}.

Приведем отрывок из еще одного, более позднего, письма. Г. П. Данилевский писал М. П. Погодину в конце 1851 г.: «Сегодня, то есть, в среду 26 декабря 1851 г. вечером, ко мне зашли Майков и Полонский. Мы собираемся у Норова <...>»^{xx}. А. С. Норов был на «ты» с А. С. Пушкиным, которому Норов приходился дальним родственником. В дневнике Пушкина (2 апреля 1834г.) записано: «На днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Норовым и Кукольником, которого видел в первый раз <...> (Т. 7. С. 280). Об одной из встреч Пушкина и Норова рассказано в дневнике А. В. Никитенко.

Известен эпизод, отмеченный в воспоминаниях о поэте А. П. Керн: «В год возвращения его из Михайловского свои именины праздновал он в доме родителей в семейном кружку <...> Я в этот день обедала у них <...> После обеда Абрам Сергеевич Норов, подойдя ко мне с Пушкиным, сказал: «Неужели Вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам писал прекрасных стихов?» «И в самом деле, — отвечала я, — мне бы надо подарить вас чем-нибудь: вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне»^{xxi}.

В связи с историческими работами Пушкину пришлось пользоваться книгами из обширной коллекции А. С. Норова. Известны два письма-записки Пушкина к Норову с вопросами о книгах. В библиотеке Пушкина есть издание «Путешествия по Сицилии в 1822 году» А. С. Норова (СПб., тип. Смирдина, 1828) в прекрасном кожаном переплете. Возможно, книга была подарена Пушкину Норовым. Кстати, о Норове-библиофиле упоминает в своих «Записках» граф М. Д. Бутурлин: «Московский пожар сопровождался, как известно, грабежом <...> Отец наш не верил, не знаю почему, что часть его библиотеки сделалась военною добычей; но

участвовавшие в военных действиях того времени Н. А. Дивов и дальний наш родственник Абрам Сергеевич Норов (такой же почти ярый библиоман, каким был мой отец), рассказывали мне впоследствии, что по мере занятия брошенных французских бивуаков нашими войсками (или при отбитии неприятельских обозов), обоим этим господам попадались книги, на переплете которых был наш фамильный герб, находившийся всегда на всех книгах нашей библиотеки»^{xxii}.

О библиотеке Норова друг Пушкина С. А. Соболевский писал: Норов «искони был библиофилом; он до 30-х годов собрал замечательную библиотеку, которую продал Н. И. Трубецкому; потом он составил другую <...> с любовью к делу и глубоким знанием того, что в ней есть и того, что в ней недостает». По поводу имевшихся у Норова автографов Дж. Бруно и Кампанеллы Соболевский отметил, что такой коллекции нет «ни в одной из публичных или частных библиотек Европы»^{xxiii}. Вторая библиотека Норова была приобретена Румянцевским Музеем (в 1863 г. и в 1869г.) в объеме свыше 14 тыс. томов всего за 17 тыс. рублей с условием выплаты по завещанию Норова его наследникам.

Говоря о семье Норовых, нельзя не упомянуть о глубокой любви сестры А. С. Норова Авдотьи Сергеевны к П. Я. Чаадаеву, встреченному ею по случаю соседства имений Надеждино и Алексеевское, где он гостил. М. И. Жихарев писал об этом в воспоминаниях: «Болезненная и слабая, она не могла помышлять о замужестве, нисколько не думала скрывать своего чувства, откровенно и безотчетно отдалась этому чувству вполне, и им была сведена в могилу. Любовь умирающей девушки, была, может быть, самым трогательным и самым прекрасным из всех эпизодов его жизни. Я имел счастливый случай читать письма, ею тогда к нему писанные. Не знаю, как он отвечал на эту привязанность, исполненную высокой чистоты, святого самоотвержения, безусловной преданности, полного бескорыстия; но перед концом он вспомнил про нее как про самое драгоценное свое достояние и пожелал быть похороненным возле того нежного существа, для которого был всем. Последнюю волю в точности выполнили»^{xxiv}. После смерти Авдотьи Сергеевны Чаадаев еще долгое время поддерживал дружеские отношения с ее сестрой Е.С. Поливановой.

Предположительное время знакомства Норова с Л. Н. Толстым— осень 1855г., когда писатель приехал в отпуск из армии в Петербург, где лично познакомился со многими литераторами. В 1854г. А. С. Норов, служивший в 30-е годы по министерству внутренних дел, а с 1850 г. назначенный товарищем министра народного просвещения, был произведен в министры. В записной книжке Толстого за октябрь 1855г. есть запись о предстоящих визитах: «В среду к Толстым, к Шевич, к Норову»^{xxv}. В тот период имя молодого писателя уже не раз попадалось на глаза Норову. Так, чиновник особых поручений Н. Родзянко в рапорте доносил ему о «неприличных суждениях и язвениях» в «напечатанном в противность цензурных правил» в январском номере «Современника» (1855г.) рассказе Толстого «Записки маркера». На полях рапорта есть пометка министра: «Был уже в виду и признан безвредным». На страницах подобного рапорта по поводу рассказа «Рубка леса» (№ 9 «Современника») министр отмечал: «Кажется, не вредно», «Не предосудительно», «Это хорошо»^{xxvi}.

31 мая 1855г. редактор «Современника» И.И. Панаев писал Толстому по поводу присланной им статьи на военную тему его севастопольского товарища А. Д. Столыпина (статья предлагалась в шестую книжку журнала): «<...> Председатель цензурного комитета известный вам по Казани Пушкин вдруг остановил ее <...> был вчера у министра и подал ему записку о произвольном толковании Мусина-Пушкина и объявил ему, между прочим, что, если нам будут запрещать подобные статьи, то оставаться теперь редактором литературного журнала постыдно. Кажется, дело обойдется, и статейка Столыпина будет напечатана в 7 книжке»^{xxvii}. (К слову, в рассказе Толстого «Севастополь в мае 1855 года» присутствует петербургский аристократ с фамилией Нордов: «<...> Для адъютанта Калугина граф Нордов «аристократ», и он всегда его ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант <...>». Не использовал ли здесь автор для своего героя фамилии двух представителей петербургской «верхушки», недавно занявших новые должности: Норова и графа Блудова, назначенного Президентом Академии Наук?)

15 июня 1855 г. Панаев писал И.С.Тургеневу о том, что Норов «разрешил печатать все, касающееся войны, исключая реляций и донесений»^{xxviii}. Последовало распоряжение, утвержденное Александром II, о том, чтобы разрешить журналу печатать военные известия. Но после этого рассказ «Севастополь в мае» был до такой степени «изуродован» цензором Мусиным-Пушкиным, что редакция не решилась поставить под ним имя автора. 28 августа

Панаев написал об этом Толстому: «Я показывал все места, выкинутые Пушкиным из ваших рассказов, князю Вяземскому, товарищу министра просвещения и самому министру, которые были приведены по поводу некоторых вымарок в совершенное удивление — и теперь я буду представлять все ваши рассказы министру и печатать с его разрешения»^{xxix}.

Возможно, Толстой, приехав в Петербург и беспокоясь о судьбе следующего рассказа, решил нанести визит министру. Хотя Панаев в том же письме отзывался о министре как о человеке образованном и горячем, который «любит литературу, не бойтесь же за следующие ваши труды и не охлаждайтесь некоторыми цензурными неудачами <...>», напечатать рассказ с «его разрешения» не получилось, и «Севастополь в августе» (в январской книжке 1856 г.) и позднее «Юность» печатались с цензурными сокращениями. Подробности возможной встречи Толстого и Норова неизвестны. Объяснение дальнейшему, видимо, таится в особенностях характера министра. Его современник М. М. Попов писал: «<...> Норов любит просвещение, заботится об успехах наук и искренно желает улучшения вверенной ему части; будучи сам ученым и писателем, он готов покровительствовать и другим трудящимся на этом поприще. Но такое направление, столько соответствующее обязанностям министра народного просвещения, исчезает в слабости его характера и от недостатка в нем памяти. Он имеет все свойства добрых людей: энергичен, быстро увлекается каждою полезною мыслию <...>; но потом медлит, забывает, и многое остается без исполнения». (Вероятно, по случайности или недосмотру эта статья вышла в № 3 «Русской старины» за 1896 г. (стр. 557-560) под названием «Александр Сергеевич Норов»; она не включена в библиографию к статье об Аврааме Норове в Словаре русских писателей.)

Недостаточная компетентность Норова привела к тому, что о министерстве ходили анекдоты. Один из них приведен в «Записках графа М. Д. Бутурлина»: «Старик Норов ходил на деревяшке. Товарищем его по Министерству Народного Просвещения был тоже старик князь П. А. Вяземский. Говорили, что это министерство — трехногая кляча, и то с норовом»^{xxx}. Поэтому по поводу прошения Норова об отставке в начале 1858 г. даже близкий ему человек, писатель и цензор А. В. Никитенко записал в дневнике: «Всеобщее мнение: хуже того, что было, быть не может»^{xxxi}. (Однако, Норов тогда был назначен членом Государственного Совета.) Назвав в дневнике Норова-министра «взбалмошным и ребячливым», Никитенко, вместе с тем, пишет в ноябре 1861 г.: «Жалкий министр, он как человек имеет свои привлекательные качества, и с возвращением его к частной жизни качества эти опять вступили в свои права». Никитенко, например, отмечает из этих качеств то, что Норов «человек, по крайней мере, бесспорно честный»^{xxxii}.

Таков Норов в последнее десятилетие своей жизни, когда ему суждено было снова встретиться с Толстым. В его занятиях теперь преобладает научная деятельность: с 1840 г. он — член Российской Академии, а с 1851 г. — действительный член Академии Наук по отделению русского языка и словесности, председатель нескольких ученых обществ. В личной жизни его произошла тяжелая перемена. Бутурлин писал об этом в связи со своей поездкой в Петербург весной 1859 г.: «Из старых моих знакомых я не решился посетить Авраама Сергеевича Норова, боясь его беспокоить; к тому же жена его Варвара Егоровна (рожденная Панина, младшая сестра <...> княгини С. Е. Вяземской) была при смерти и скоро скончалась»^{xxxiii}. Потеряв жену, а прежде двух умерших во младенчестве детей, Норов остался в одиночестве. Он полностью уходит в научную работу, продолжает путешествовать и писать. Л. Н. Толстой встретился с ним во время своей поездки по Европе. Поскольку этот факт биографии писателя остался пока обойденным исследователями, остановимся на нем подробнее.

Имеет смысл особо сказать о Норове-путешественнике. Так, граф Бутурлин пишет о молодом Норове, совершавшем путешествие по Италии с их семьей в 1822 г.: «С нами разъезжал по окрестностям Рима дальний наш родственник, известный впоследствии паломник по святым местам <...> Абрам Сергеевич Норов <...> Лишение ноги, оторванной под Бородином, не мешало ему скакать верхом <...> Он был тогда очень красив собою, экзальтированного поэтического настроения от своего путешествия по Италии <...>»^{xxxiv}.

Пишет о молодом Норове и Д. Н. Свербеев; кстати, в его доме в Москве в конце 1855 г. или начале 1856 г. бывал Толстой (и мог слышать от него о Норове). Юношей Свербеев часто посещал в Петербурге переехавшую из Москвы семью дяди А. С. Норова; там он узнал «довольно коротко» и племянника, Абрама Сергеевича. «Он был тогда 26-летний красивый полковник гвардейской артиллерии», собиравшийся поехать брать морские ванны. «Мы друг

другу полюбились и решили ехать вместе». О своем товарище Свербеев пишет как о человеке «рассеянном и суетливым», вспыльчивом и «неправедно гневном», который не прочь был, например, в Париже «дать почувствовать, что один из нас заслуженный воин» <...> Свербеев упоминает в своих «Записках» графа Орлова, в доме которого «собирались часто французские знаменитости и русские высшего разряда <...> В этом кругу вращался Абрам Норов и через них вошел во французские литературные салоны». Там же читаем: «<...> Я не мог не ценить в нем его высокие нравственные качества. Он был и тогда уже глубоко религиозен, замечательно целомудрен в беседе, несмотря на всю его страстность и юность; поэт в душе, он мог бы, казалось мне, быть замечательным стихотворцем, если бы не предался другим, более серьезным предметам, как, например, изучение христианской археологии по римским и впоследствии греческим источникам, путешествию на Восток и ученому паломничеству в Иерусалим и вообще Палестину»^{xxxv}.

Кстати, в одном из своих писем к архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию Борисову, периода пребывания Норова на посту министра (от 18 февраля 1855г.) Норов, сообщая о препровождении для библиотеки Иннокентия экземпляра нового издания «Путешествий», далее пишет: «Радует меня несказанно выраженная вами готовность возобновить наше общее предприятие издать Новый Завет на Греческом и Славянском языках; все к этому давно готово <...> Митрополит Московский и Петербургский и все епископы, с которыми совещался, весьма одобряют наше предприятие»^{xxxvi}.

Неудивительно, что когда в свои 65 лет Норов (с «хорошими, гуманными свойствами его сердца»^{xxxvii}) встретился во Франции Толстому, тот написал (29 ноября 1860 г.) тетушке Т. А. Ергольской в Россию: «Мне здесь хорошо. Княгиня Голицына, ее две племянницы, племянник, некто Норов и еще несколько человек составляют наш приятный интимный кружок»^{xxxviii}. Еще о совсем молодом Норове его петербургский знакомый литератор О. М. Сомов писал: «Я все больше очаровываюсь этим любезным полковником: ни тени военного чванства, много предупредительности и вежливости; разговор разнообразный и поучительный; он не выглядит столь ученым, каков он есть на самом деле»^{xxxix}.

Естественно предположить, что в общении с 32-летним Толстым и его 30-летней сестрой, на отдыхе, в Гиере Норов вполне мог оказаться интересным собеседником, поведать немало любопытного о Пушкине и его окружении, может быть и об интересовавших тогда Толстого декабристах, о которых он начал писать оставшийся незавершенным роман. Анализ рукописей написанного впоследствии Толстым романа «Анна Каренина» убеждает в том, что княгиня Голицына и ее племянники нашли отражение в образах романа, в частности — в главах о пребывании семейства Щербацких за границей, на водах.

Относительно А. С. Норова тоже можно сделать некоторые предположения на предмет отражения его характерных черт в «Анне Карениной». «На водах» живет безымянный «московский полковник», который входит в кружок князя Щербацкого. (Кстати, в окружении Норова были люди с похожими фамилиями: это его сослуживец, попечитель С.-Петербургского учебного округа князь Щербатов, владелица соседнего с Надеждиным имени А. М. Щербатова; женой Д. Н. Свербеева была Е. А. Щербатова, дочь Е. Р. Дашковой — Щербинина.) Вот этот человек останавливается, вникая в скандал на улице, устроенный тяжелобольным русским. Поскольку господин побранился с доктором, полковник встревожено говорит: «Позор и срам!.. Одного боишься — это встречаться с русскими за границей!» Не подразумевается ли здесь автором Норов, о котором оставшаяся за границей сестра Толстого Мария Николаевна писала брату после его отъезда: «Норов говорит, что тебя нужно убедить приехать спасать от нападений Долгорукую, которая наделала здесь страшный карамболь, остановила на улице карету французской дукессы и наговорила ей во всеуслышание Бог знает что»^{xl}. Как не прибавить к этому слова из воспоминаний Свербеева: «В порядочных обществах Норов обходился без историй, но на улицах, в ресторанах, театрах у него бывали почти ежедневные неприятные столкновения»^{xli}.

В путешествии полковник «внимательно изучал» Европу, находил, что «интересны их учреждения». Он весело щеголяет в европейском купленном готовым сюртуке. Кстати, эту художественную деталь поможет оценить отрывок из письма А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву, правда, относящийся к более ранним временам (июль 1820 г.). Речь здесь идет о хорошем знакомом Норова: «Вчера пришел ко мне в синем парижском сюртуке, с тесемками, со шнурками и в широких белых портках Орест Сомов»^{xlii}. Некоторая легкость в характере была свойственна Норову: «Хорошее и худое в нем непродолжительны», — писал его

современник М. М. Попов^{xliii}.

Полковника Кити с детства «видела и знала в мундире и эполетах». Явившийся на водах частным лицом, «со своими маленькими глазками и с открытою шеей в цветном галстучке» он для нее «необыкновенно смешон» и «скупен тем, что нельзя было от него отделаться» (отметим, что современники не раз писали в воспоминаниях о свойственном Норову женолобии). А вот Норов в восприятии М. Н. Толстой, судя по ее письму Л. Н. Толстому из Гиера (февраль 1861 г.): «В тот день, как я тебя проводила, я разыгралась у Дондуковой на фортепьяно: Норов застал меня врасплох и предложил играть в 4 руки, дело шло на лад, и теперь он мне проходу не дает: все просит играть; но я иначе не могу, как играть один день, не подходить к роялю — 4»^{xliv}. В «Анне Карениной» княгиня Щербацкая пригласила полковника слушать пение Вареньки. «Кити, хорошо игравшая, аккомпанировала ей». Варенька, пренебрегая вниманием полковника, отказывается от его предложения проводить ее несмотря на позднее время.

Действительный тайный советник и дворянин с древней родословной, Норов тем не менее не имел почетного титула. По той же причине полковник в романе Толстого не был удостоен внимания мадам Шталь. «"Это наша аристократия!" — с желанием быть насмешливым сказал московский полковник, который был в претензии на госпожу Шталь только за то, что она не была с ним знакома». Шуткам князя он «всегда улыбался». Наконец, А. С. Норов на самом деле был некогда московским полковником...

Личные впечатления Толстого плюс факт выступления Норова с критикой «Войны и мира», возможно, сказались на выражении авторского отношения писателя к этому персонажу — это ирония и некоторое пренебрежение, с которыми изображен «московский полковник» в «Анне Карениной», романе, начатом четыре года спустя после выхода статьи А. С. Норова.

Примечания

ⁱ Здесь и далее цит. по: *Норов А. С.* Война и мир. 1805-1812. С исторической точки зрения по воспоминаниям современника. По поводу соч. графа Л. Н. Толстого «Война и мир». СПб., 1868.

ⁱⁱ *Жихарев С. П.* Записки современника. Л., 1989. Ч. 1. С. 225, 160. 4.2. С. 233, 180.

ⁱⁱⁱ Знамя. 1987. №8. С. 130.

^{iv} *Свербеев Д. Н.* Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. В 2-х т. М., 1899. С. 65, 73, 79.

^v *Норов А. С.* Указ. соч. С. 54.

^{vi} *Дашкова Е. Р.* Записки. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 321, 471, 395-397.

^{vii} *Толстой Л. Н.* Поли. собр. соч. В 90 т. М.-Л., 1928-1958. Т. 17. С. 164.

^{viii} *Норов А. С.* Указ. соч. С. 40.

^{ix} Российский архив. Вып. VII. М., 1996. С. 152.

^x Там же. С. 156, 158.

^{xi} Там же. С. 153.

^{xii} Там же. С. 155, 159, 161.

^{xiii} Там же. С. 167.

^{xiv} *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. II. С. 74.

^{xv} *Норов А. С.* Указ. соч. С. 3.

^{xvi} А. С. Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 161.

^{xvii} Русский архив. 1901. Кн. II. С. 371.

^{xviii} Там же. 1903. Кн. II. С. 561.

^{xix} Там же. 1901. Кн. III. С. 546.

^{xx} *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XI. СПб., 1897. С. 414.

^{xxi} А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 391.

^{xxii} Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. 4.1. С. 244.

^{xxiii} Русский архив. 1869. Кн. IV. С. 64-65.

^{xxiv} Вестник Европы. 1871. Сентябрь. С. 15.

^{xxv} *Толстой Л. Н.* Указ. соч. Т. 47. С. 174.

^{xxvi} Цит. по автореферату *Н. И. Бурнашевой* «Раннее творчество Л. Н. Толстого и проблемы текстологии». М., 1999. С. 27—30.

^{xxvii} Цит. по: Толстой Л. Н. Указ. соч. Т. 59. С. 311.

^{xxviii} *Панаев И. И.* Сочинения. Л., 1987. С. 570.

^{xxix} Цит. по: Толстой Л. Н. Указ. соч. Т. 59. С. 331.

^{xxx} Русский архив. 1898. № 8. С. 532.

-
- ^{xxx}ⁱ *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804-1877). СПб., 1905. Т. II. С. 15.
- ^{xxx}ⁱⁱ Там же. С. 24, 205.
- ^{xxx}ⁱⁱⁱ Русский архив. 1898. № 10. С. 186.
- ^{xxx}^{iv} Там же. 1897. №3. С. 642.
- ^{xxx}^v *Свербеев Д. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 306, 336, 340, 359.
- ^{xxx}^{vi} Русский архив. 1911, III. С. 181.
- ^{xxx}^{vii} *Никитенко А. В.* Указ соч. С. 378.
- ^{xxx}^{viii} *Толстой Л. Н.* Указ. соч. Т. 60. С. 365.
- ^{xxx}^{ix} Цит. по: Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 359.
- ^{xl} Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 231.
- ^{xli} *Свербеев Д. Н.* Указ. соч. С. 359.
- ^{xlii} А. С. Пушкин. Исследования... С. 154.
- ^{xliii} Русская старина. 1896. № 3. С. 557.
- ^{xliv} Переписка Л. Н. Толстого... С. 233.